

С₂
Л₂
П₂ О₁ Р₂ Я₃ Д₄ О₁ К₂
В₂

Г 19
ББК 83.3(2)6
УДК 82.1

Владимир Гандельсман

Смерть языка. — СПб.: Порядок слов, 2022. — 48 с., ил.

Читая «Смерть языка», невольно ищешь соответствий с «Двенадцатью» Блока, но кроме приблизительного числового сходства (13 главок, а не 12) ничего общего не обнаруживаешь. У Владимира Гандельсмана даже не смерть языка, а его несоизмеримость с человечностью, человеческим бытием в эпоху гражданской войны и тотального озверения. Это в поэме явлено мастерски. Что касается достоинств и недостатков такого представления «расчеловечивания», то какие претензии могут быть к несоизмеримости, к квадратуре круга? Это «пляска смерти» с диким вывертом и бессвязным выкриком, как в завершающей главке.

© 2021 Владимир Гандельсман

© 2022 Порядок слов

ISBN 978–5–6047395–5–6

1. отъездная

Кто в собор,
 а сброд гужом
 по улице валит,
 всполошён город,
 рёбя, головы проломны,
 хар-ря-ор,
 любивайся мать,
 Ваньке дурь повыбьют, чать,
 вой погромный,

 ерболызнь,
 бей полицию,
 хрясь па-лиц-цу,
 грабь казёнки,
 брейсь и там храбрись, иц-цу,
 на войне борись,
 любивайся мать,
 умягчится, чать,
 сердце, мать твою, умягчится,

 ты целуй, Вань, свою —
 вон стоит, семки лузгая,
 запевай русскую —
 «нашу, Марья, ночевальню
 не забуду, целовальню,
 солнышко,
 в чужу дальню,
 в чужу дальню
 еду сторонушку»,

 паровоз —
 пуш дыч хящ —
 пышет, лёгкие прочищает,
 эшелон-мэшеловка,
 серая солдатня,

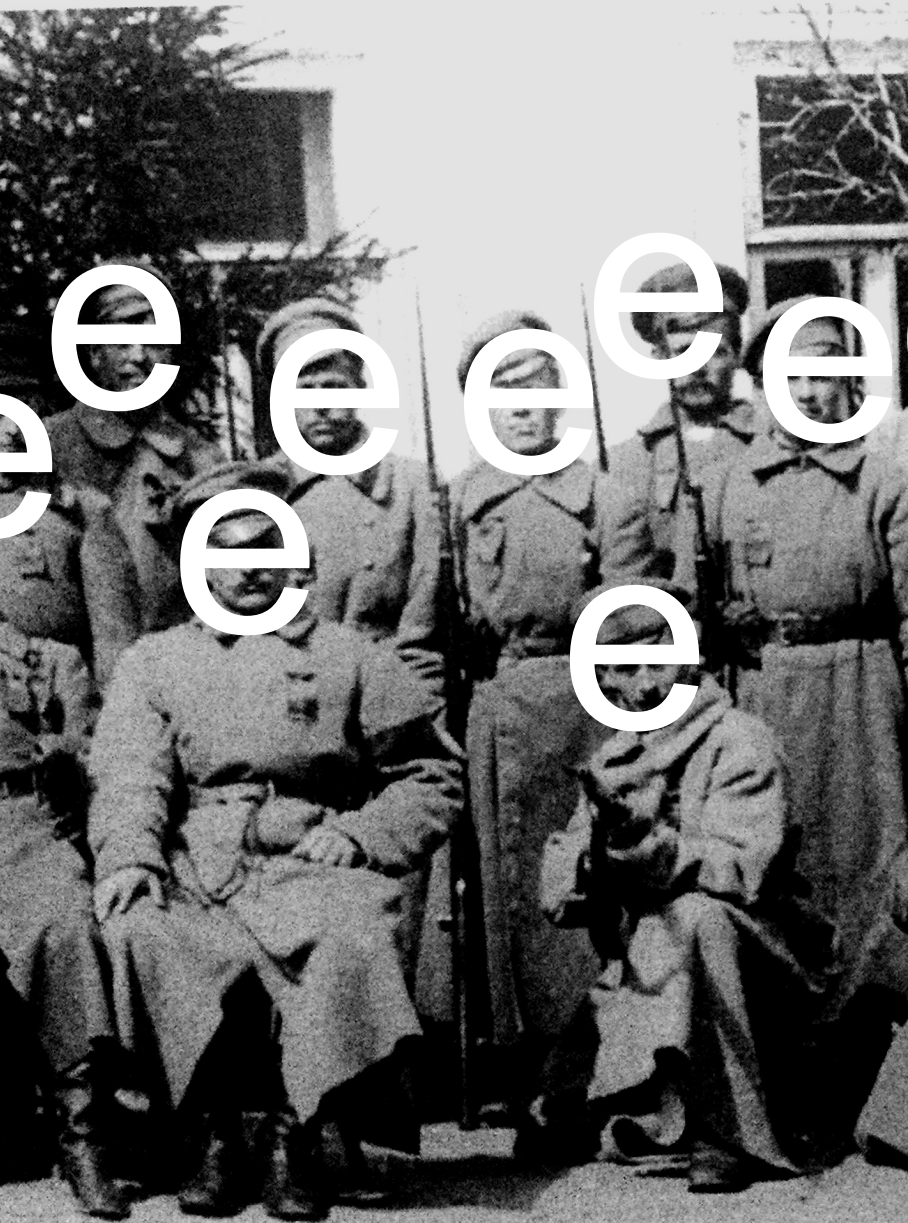
солнце дня
 мается,
 вдоль вагонов по насыпи
 шалава шатается,

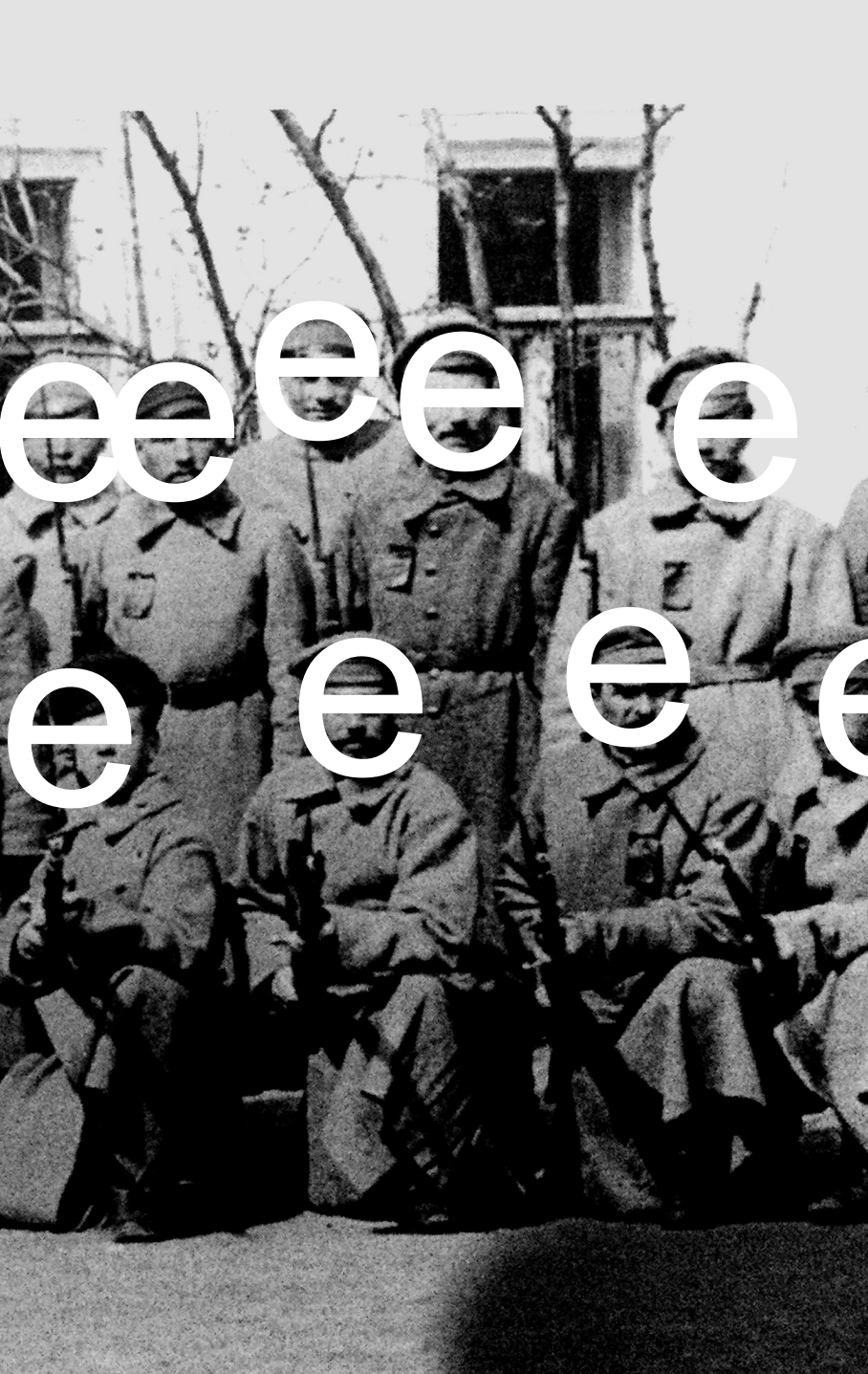
 паровоз —
 фых шиж соп,
 тиф сыпной, рассыпной,
 упокой, Господи, души
 усопших,
 а кто не усоп и нищ,
 тот блажен,
 довези, ась,
 до деревни «Вши»,
 эй, шалава, залазь,

 девку лапы лапают,
 моргалами лопают,
 рты, как западки*, хлопают,
 Русь — во! —
 палец большой торчком,
 а не Русь — во! —
 палец ничком,
 некрусьво**,
 солдасьво.

* западок — ловушка или дверца ловушки для птиц.

** от «некрут» (рекрут).

2. дорожная

Ах, как плачет он: мамашенька,
 а ещё приплакивает: Машенька —
 только залюбился, а ему: марш, Ванька,
 шашка наголо тебе не шашня ж, энь-ка!
 Как с поклоном голос, так просительно
 обращается: водички б, хлебушка,
 тихо плачет, уменьшительно
 называет всё: травинка, небушко.

Разве речь Ванька выручит
 и собственноручно вынянчит,
 а не то, наоборот, его вычернит,
 из людей в нелюди вычеркнет.

На позиции пока не повывезли,
 только обозначилась станция,
 пить почали враз — кого и вынесли,
 а кто сам, тот за манерку, иц-ца!
 В страхе злоба копится и копится,
 кроют всех кого ни попадя,
 оскорбляют барышень, в пойле топятся,
 пропади ты жизнь моя в реке-Прóпади.

Речь пыльцой распыляется,
 а не то словарём разливается,
 и огнём, гневясь, распалается,
 и не ластится, только лается.

3. ждущая

По полю, как по золе, по золе,
идёт корова издали, издали,
медленно идёт, а после
близко, за ней ночь хоть выколи,

ночь хоть выколи, тенью
за окном кто, не сын ли,
дума в стену упёртая, в стену,
на войне следы его простыли,

а придёт ли по своему следу
обратно, мается мать, слепо
смотрит в глаза лету,
служит молебны, молебны,

свечу ставит одну, другую,
с вечера взгляд впивает
в дорогу, в поле, а то по кругу
ходит возле дома, ветер воет,

а то память, как стёртая,
или сидит долго на паперти,
или в бабьем углу, как мёртвая,
исслезила все платки, скатерти,

гадает, в каком холоде стынет,
в каком болоте мокнет,
«может притти, коли не сгинет,
но ведь и не притти может»,

по полю, как по золе, по полю
ветер гуляет, лицо в пыли,
задохнулась немотными воплями,
думы душу живую выпили.

4. окопная

Как дырявил металл
землю, кромсал-кривил,
я на четвереньки встал
и по-зверьи выл,

память выбило вон,
только вижу — рука летит,
а за нею стон
из грудной клетки,

а во рву глаза лежат,
а в реке башка плывёт,
жди, когда размозжат
сам небесный свод.

День прожить бы, «отче
наш» лепечу. Как чёрт,
страх припал, жёстче
нет его, кровь не течёт.

А то пасть разеваю
и воплю, а как на курок
нажать, не знаю,
обеспамятел и не смог.

Я как лягу, устал,
хочу грамотным быть,
всё чужую б жизнь читал,
чтоб свою забыть.

А ведь если «горюшко»
не скажу, нежно так,
или «цветик», «зорюшка»,
не засну никак.

5. ночная

Ноги за день намят
столько топких жиж,
ночью раз десять
прокидываешься и кричишь.

Одного пристрелил,
идёт во сне встречно,
глаза раскрыты сверх сил,
а потом упал навечно.

Вызвать надо, вот и вызнь —
кровью согретая,
это что ж такое жизнь,
если падает и нет ея?

Тоже сон про матушку,
как ей живётся,
и про маруху Машеньку,
знать, с Тимошей шьётся.

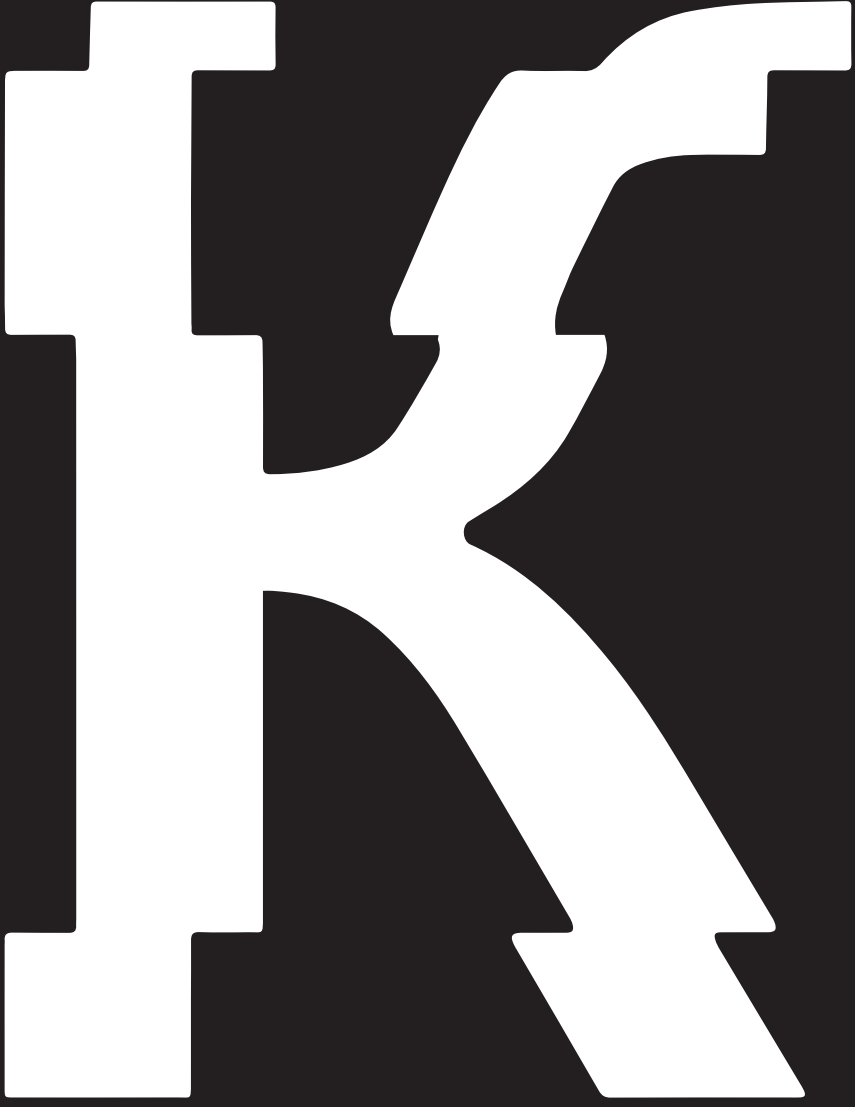
Ищут меня мёртвого,
кричу им беззвучно:
«жив я, лыса чёртова
смерти сучьей!»

Ищут и по двору, и по дому
мой убитый прах,
как от белого грома,
просыпаюсь в страх.

అ అ అ

6. крещальная

То война зверюет людей
 всё лютей да лютей,
 то не лютня поёт — то труб
 трупных зов тупой,
 я не скот на убой, не скот я те,

я вернусь (на подъезде я!)
 да и в знак возмездия
 твоё поместье
 спалю, в межзвездие
 глаз пуцу пулю, це

революция, революция,
 в ряло целю, ярею в лицо*,
 улиц рёв, гоп-цо-цо,
 це за мать-отца,
 гоп-ца-ца,

у-цо-цо, у-цо-цо,
 от кого лужица,
 от кого деревцо,
 у-ца-ца, у-ца-ца,
 припокровь меня, молодца,

раз из саду
 при церкви снарядом
 сбитую девы статую
 притащил святую
 в землянку рядом,

ночью она молитву
 шепчет мне в ухо —
 ниспослание Духа
 Святого, помазывая на битву
 то, что у меня под брюхом,

обнял я Деву,
 целовал её в грудь,
 как грудным молоком она
 меня наставляла на путь
 правоты закона,

вспаивала всем телом,
 я ж ей жизни подлости
 клялся выявить
 в общем и целом,
 целиком и полностью,

и пролился ей
 в складки платья, моей
 любви, что крестила мя,
 благословила мя —
 из огня да в по́льмя,

из огня да в по́льмя
 вошёл голым я,
 те, что были польми,
 сволочь с волчьими осками,
 стали гегемонами, скалами,

распни исчадие
 ада! — клянут их, но прочно
 дело, бо твоё зачатие,
 революция, непорочно,
 я не скот на убой, не скот я те.

* Оба словосочетания в этой строке являются анаграммами слова «революция», бессознательно возникшие у автора монолога.

7. частушечная

Не мычи в слезах, жена,
что твоя бурёнка,
нынче кончилась война,
кутанем, шабрёнка* ,

мерь свое шитьё-шматьё,
на остатни гроши
покупай еду-питьё,
едет гость хороший,

кто убил антихриста,
тот имеет право,
три егорьевских креста,
командеру слава,

по полям да по лугам,
награбастав денег,
ты, Тимошка, к белякам
убегай, изменник,

шкалики, мерзавчики,
четверти, бутылки,
Ванька главный в Губчека,
подставляй затылки.

* соседка.

8. приводная

Трёхэтажный особняк ЧК
да крысиный подвал,
там рука не дрожит, рука
бьёт врага наповал.

Как на первом этаже ЧК
всё шныряет допрос —
в два испуганных-то зрачка
два впиваются вроде ос.

На втором-то этаже ЧК
всё донос —
буквы с грязного клочка
прыгают под барбосов* нос.

Как на третьем этаже ЧК —
кожа-френч,
из едала там, как из очка,
комендантская фуняет речь.

А фырчат грузовики, от ЧК
отъезжая, везя
то купца, то какого дьячка.
Жить им больше нельзя.

А колючей обернут в ЧК
провококой разом двух-трёх
и где Пропадь-река
сбросят. То-то. Молóх.

Трёхэтажный особняк ЧК.
Говорит Ванёк: «Ты того
приводи, говорит, языка.
Мы развяжем его».

Образок на груди Глав-ЧК.
«Окорми ми, Дева,
Из тваво, как из стручка,
Свет пальнёт из чрева».

* барбос — следователь (жаргон).

9. канцелярская

низший слой земляных людей, нет ниже́й —

кто от деревни, от политых потом ржей,
из вросших корнями в суглинок,
кто от станка до последних металла пылинок
от рабочих резцов-ножей, —

апостолы октября, сами себе потомки,
в канцелярии проверяют списки, всматриваются в потёмки.

который в красных галифе пощипывает ус:

выявлены как не осознавшие перелома плюс
как имеющие пораженческий пульс,
переходя от слов к делу —
налицо все предпосылки к расстрелу, —

вкупе и влюбе с апостолами стоит, всматривается в потёмки,
закрывает папку, завязывает тесёмки.

10. любовная

«Ты, Марьюшка, проси прощения,
на коленях проси,
бо носишь в утробе плод согрешения
с врагом, быв с ним в половой связи.
Вы как с Тимофеем слились
по этому делу,
его орган послал буржуазную слизь
твоему таким образом телу».

Марьюшка стала на колени,
с трудом воздух глотая:
«Вот моё последнее моление:
я умирать не хочу, я еще молодая».
Ванёк: «Так! но умей же
Богородицы суду не мешать.
А теперь, унизившись, ты ещё меньше,
как оказалось, нужна дышать».

Тимофей хочет свою жизнь спасти,
спровадив тебя
в чистоту нежизни. Видишь в его горсти
маузер? Струляй, Тимоша, любя.
Как любил, так и струляй, подбеги
поближе, шоб верней попасть,
а потом пойдём под спирт пироги
сунем в пасть».

11. предсмертная

Во поле, во поле
 не гулять, беляк, тебе боле, братчик,
 в подполе, в подполе —
 конокрад, Тимоша, ты иль кабатчик —
 в опотевших стенах
 ползком доживай время своё, ползком,
 кровь в живых венах
 запрудят тебе, рот забьют песком.

Едина Чистая и Непорочная Дево,
 моли спастися душам их.

У кого горло рокотом,
 кто охрип —
 бьёт как током
 дрожь напрошиб.
 Тимофей время пробует вспять,
 мысль в него оперев,
 обратить, хоть на пядь
 сдвинуть, вплачь-нараспев.
 У кого душа судорогой сведена,
 кто твердит,
 заикаясь, «е-е-ди-ди-на»,
 кто смердит.

Едина Чистая и Непорочная Дево,
 моли спастися душам их.

На свет божий, божий
 ты родился, Тимоша, молоко-булочка
 личико было твоё, не рожа,
 нынче ж роды наоборот, это буднично,
 ты теперь не грудной,
 громыхнёт засовом дверь, громыхнёт,
 раздевайсь, родной,
 да почуй, как холодом-то дохнёт.

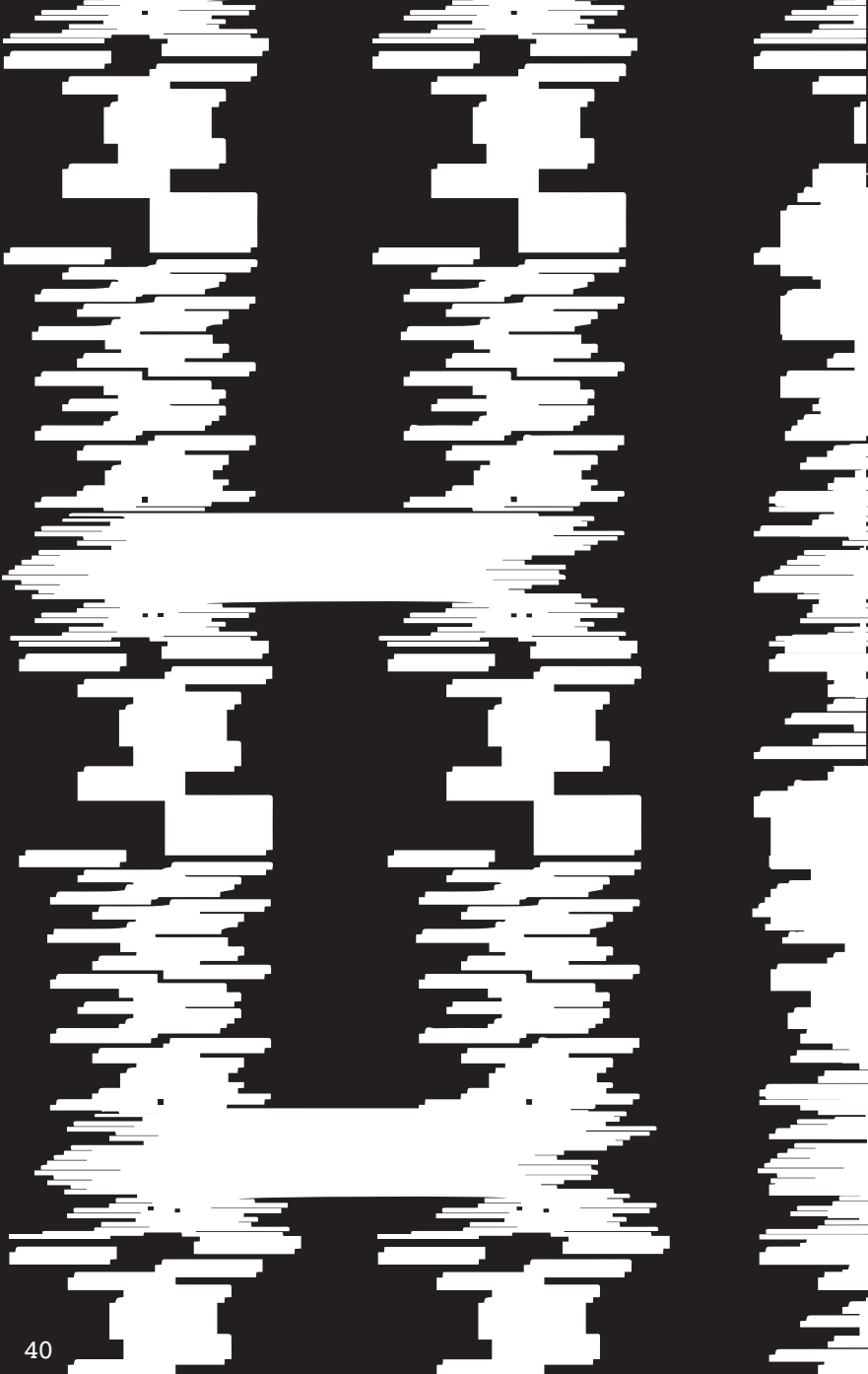

12. уговорная

«Чё, Тимоша, ослаб?
смерть — оно
для мужиков и для баб
ни светло, ни темно,
ни холодно, ни горячо,
чё пужаешься, брось,
тебя не было — и ничо,
не замечал, небось,
не спадай с лица,
не замечал тогда, мля,
значится,
не заметишь и опосля,
хоть мёд пия,
хоть на дне волоча —
жисть такую, как твоя,
беречь не для ча.

Вот ты есть, например,
а теперь
попробуй не быть
и про неё забыть,
тутака
одна сутолока
и от дыханий воньё,
не дышать-то чище оно,
миг, Тимоша,
и смерть. Знаю, мучит
чижолоя тебя ноша,
но пуля добру учит.
Ивангелие не зла,
а коммунизма во главе
нынче угла,
пережди во рве».

13. плясовая

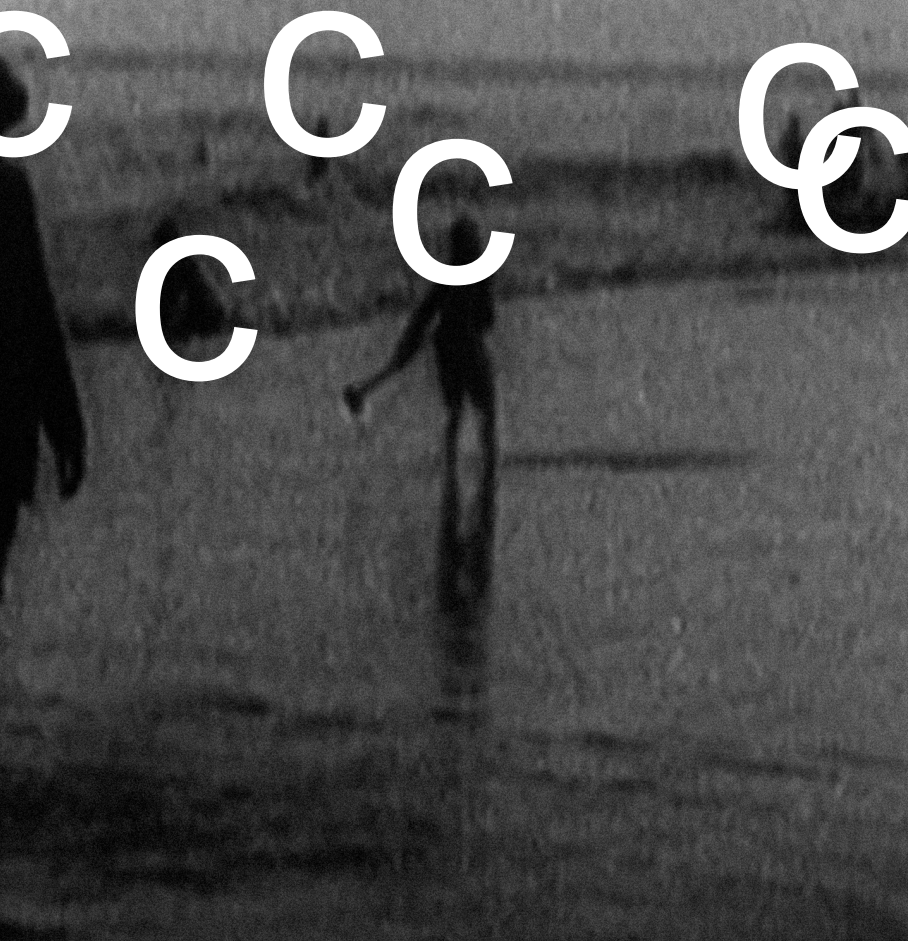
В пузырьёк загнали,
 оп-цы, ёп-цы,
 рабству —
 ни-ни-ни, довольно,
 оп-цы, ёп-цы,
 на арапа брать,
 выколащиванью — ни, и ни — похабству,
 делай жизнь,
 кердык-смердык,
 свою на -ять,
 делай жизнь
 свою на -ять.

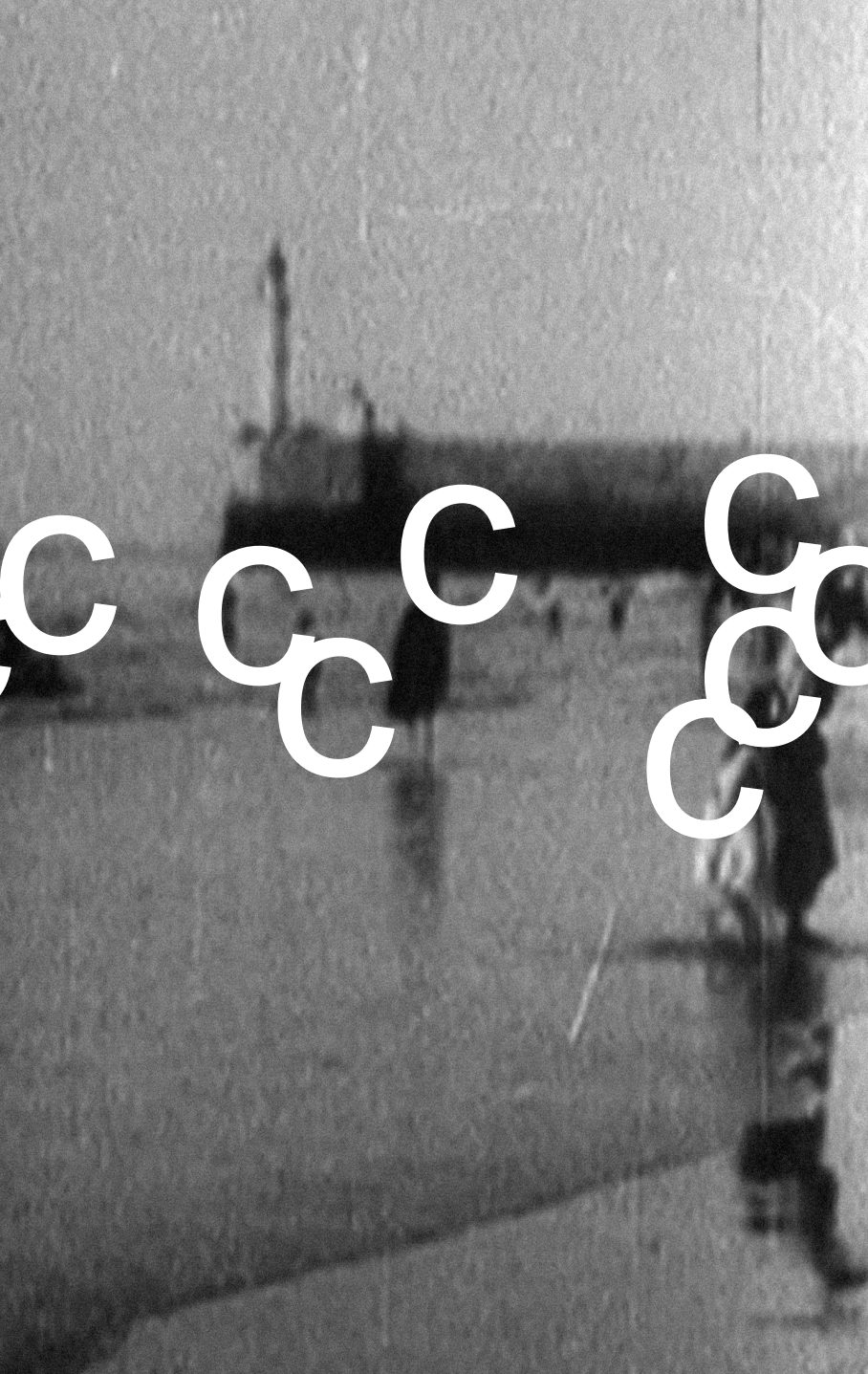
Арлык-кулдык
 эх-да
 курлык-мурлык!

Бабья жизнь,
 елтын-белдын,
 спокон скверная,
 но теперь,
 елтын-белдын,
 идёт
 втя-ги-ва-ни-я кам-па-ни-я все-мер-на-я
 девок наших,
 ура-шмура,
 в красных зорь восход,
 девок наших
 в красных зорь восход.

Арлык-кулдык
 эх-да
 курлык-мурлык!

c c c c c

Угнетательскую,
 халяши-мардаш,
 временку —
в корне,
 халяши-мардаш,
 снести, на смычку курс,
на рабочего курс и крестьянку,
на ударный труд,
 камчат-тамгчат,
 мотай на ус,
на ударный труд,
 мотай на ус.

Арлык-кулдык
э-да
курлык-мурлык!

Ты прикладывай к земле,
 качак-сучак,
 ухо,
слушай, как,
 качак-сучак,
 дышится траве,
чтобы неувязок не было в подъёме духа,
чтоб жилось,
 ажур-тужур,
 передовой братве,
чтоб жилось
 передовой братве.

Арлык-кулдык
э-да
курлык-мурлык!

Óп-цы, ёп-цы,
 Богоматери творцы мы храма,
оп-цы, ёп-цы,
 равенству даём добро,
слава тем, кто соотносит жизнь упрямо
с целевым решением,
 кердык-смердык,
 бюро,
с целевым решением
 бюро.

Арлык-кулдык
эх-да
курлык-мурлык!

сентябрь-октябрь 2021 года

Владимир Гандельсман
Смерть языка

Дизайнер: Арина Журавлева
Корректор: Татьяна Ломакина

ООО «Книжные мастерские»
197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10.

Отпечатано в типографии «НП-ПРИНТ»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15., лит. А,
корп. 7. Подписано в печать 18.07.2022. Бумага офсетная,
печать офсетная.

